

ПРОМЫШЛЕННОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО. 2003. № 6

«Интеллектом просто надо быть...» (Воспоминания внучки)

А. С. ШУХОВА, архитектор

Рассматривая фотографии Владимира Григорьевича Шухова, люди часто говорят, что он похож на Чехова, Чайковского. И это не удивительно, хотя дело здесь вовсе не в портретном сходстве. На память приходят слова акад. Д. С. Лихачева о том, что при большом желании человек может принять лик любой добродетели, но облик интеллигента при всех ухищрениях принять невозможно: интеллигентом просто надо быть. Так вот этих людей объединяет истинная интеллигентность, одухотворенность, благородство души, которые озаряют их внешний облик.

В моей памяти сохранилось то благоговение, которое испытывали и наши родители, и мы, дети, по отношению к дедушке.

Владимир Григорьевич был среднего роста, худощавым, с ясными голубыми глазами. Очень мало ел, спал по четыре – пять часов, был всегда подтянут, безукоризненно опрятен. Мы никогда не видели его дремлющим в кресле или лежащим на диване. В кабинете его царил безупречный порядок.

Большую часть дня дедушка проводил за письменным столом. Он работал до конца своих дней. Последнюю запись в рабочей тетради сделал незадолго до смерти: «Антропов А. С., инженер. Газгольдер водяной». Все его записи отличаются лаконичностью, как и расчеты, и формулы, которые он выводил часто без промежуточных действий.

О краткости записей в его дневнике (а он вел дневник всю жизнь) говорит, например, такая запись, датированная 30 июля 1921 г.: «Приговор Шухову – условный расстрел». О таком страшном событии – и всего четыре слова. Условный расстрел – ввиду его крайней незаменимости, за аварию, произошедшую совсем не по его вине при строительстве радиобашни. Мой отец рассказывал, что дедушка, уверенный в своей правоте, при монтаже стоял внутри башни под подни-

маемыми секциями, как это всегда делали настоящие инженеры.

Но вернусь к своим детским впечатлениям. Дедушка был очень добр и ласков с нами. Мы часто приходили к нему в гости, а когда умерла бабуш-

Жена В. Г. Шухова Анна Николаевна и их дети: Ксения, Фавий, Вера, Сергей, Володя (на руках у няни). Фото В. Г. Шухова. 1900 г.

ка и дедушка сильно тосковал, моя сестра некоторое время жила у него в доме. Она рассказывала, как дедушка защищал ее от взрослых, которые пытались утихомирить разбалававшегося ребенка. Он вводил ее к себе и вел ласковые беседы. А как он восхищался моей робкой игрой на их прекрасном концертном рояле! При этом дедушка держался с нами на равных, уважая наше человеческое достоинство и никак не проявляя своего превосходства.

Мы с сестрой помним, как в его кабинете, в книжном шкафу, украшенном резьбой, всегда стояла коробка с шоколадными конфетами, которыми он обязательно угощал нас, детей. Он вообще был приветлив и угощал всех, кто к нему приходил. Самым же главным «угощением», неизбежным удовольствием и для де-

тей, и для многочисленных гостей, был просмотр через специальный стереоскоп объемных снимков из его богатейшей коллекции. Дедушка снимал и свои конструкции в ходе их возведения, и своих близких, и архитектурные памятники, и пейзажи. Что бы ни происходило в Москве, он всегда успевал побывать на месте события и запечатлеть увиденное. На его снимках и залитые водой московские улицы во время страшного наводнения 1908 г., и последствия урагана 1904-го, и события первой русской революции, и вербный базар на Красной площади. И снимки его так же красивы, как и его конструкции.

О своем происхождении дедушка рассказывал так: «Мой пращур был вольный штатский человек, мобилизованный на войну со шведами, и за храбрость в бою под Полтавой Петр I пожаловал его дворянством». С тех пор все Шуховы становились кадровыми офицерами русской армии. Традицию нарушил отец дедушки, Григорий Петрович. Не чувствуя призвания к военному делу, он окончил Харьковский университет, служил по Министерству финансов и Ведомству императрицы Марии, занимавшемуся учебными и благотворительными заведениями; имел чин действительного статского советника – «штатского генерала» и почетные ордена. В Григории Петровиче было очень сильно духовное начало. Безукоризненная честность, ум, широкий кругозор, тонкость чувств привлекали к нему многих выдающихся людей. Его другом был, например, хирург Н. И. Пирогов.

Мать В. Г. Шухова, Вера Капитоновна, тоже происходила из военной среды: ее отец, Капитон Михайлович Пожидаев, был героем Кавказской войны. Натура незаурядная, Вера Капитоновна была наделена огромным запасом энергии, воли, жизненной силы, а также интуицией, доходящей до ясновидения. Незадолго до смерти ей привиделся фамильный склеп и в нем объятый пламенем сын. «Кто там весь в огне?! Володечка! Володечка!» – в ужасе вскричала она. Владимир Григорьевич ведь умер от ожога!

В нашей семье существует предание о том, как Вера Капитоновна вместе с Григорием Петровичем

появилась на балу в Петербурге во время приезда в столицу «короля вальсов» Иоганна Штрауса. Она произвела на него сильное впечатление, он увлекся ею, написал вальс и посвятил его ей.

Соединение столь ярких и в то же время противоположных начал — высокого духа и жизненной силы — и высекло искру гениальности в лице моего деда.

Родился В. Г. Шухов в г. Грайвороне Курской губернии (Белгородская обл.). Детство его прошло в имении бабушки. Лет с шести мальчик проявлял исключительные способности и страсть к книгам. Окружающих поражала изобретательность Володи: то он устраивал фонтан, используя старые трубы, то, запрудив ручей, соорудил мельницу. Десяти лет поступил в Пятую классическую гимназию в Петербурге, где учился блестяще. Будучи гимназистом четвертого класса, он привел собственное, краткое доказательство теоремы Пифагора, поразив учителя необычностью решения.

Пережив в молодые годы увлечение Ольгой Леонардовной Книппер, в сорокалетнем возрасте Владимир Григорьевич женился на Анне Николаевне Мединцевой, приходившейся дальней родственницей Анне Ахматовой. У дедушки и бабушки было пятеро детей: Ксения, Сергей, Фавий, Вера и Владимир.

Детей с ранних лет обучали искусству, и они начали рано проявлять творческие способности. Искусство, вообще, играло большую роль в жизни всей семьи. Анна Николаевна серьезно интересовалась литературой и театром, с ее мнением считались в литературных салонах. Владимир Григорьевич любил балет и классическую музыку, особенно произведения Чайковского, Рахманинова, Шопена. В доме устраивались настоящие музыкальные вечера с участием К. Н. Игумнова, А. Б. Гольденвейзера, по классу которого на виртуозном отделении Московской консерватории училась Ксения. Фавий играл на скрипке, Вера выступала на балетной сцене. Мой отец, Сергей, выдержав большой конкурс, поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества.

Наряду с художественными Сер-

гей обладал и незаурядными математическими способностями. Они были очень близки с дедушкой, который в определенной степени считал старшего сына своим преемником. Впоследствии отец окончил МВТУ, проектировал сооружения нефтяной промышленности, большепролетные цехи стекольных заводов и заводов цветной металлургии, принимал участие в восстановлении пострадавших во время войны Большого и Вахтанговского театров.

Живя интенсивной творческой жизнью, получив прекрасное воспитание, дедушка был внутренне свободным человеком, обладавшим ярко выраженным чувством собственного достоинства, которое он всячески поощрял в окружающих. «*Не было случая, — вспоминает мой отец, — чтобы Владимир Григорьевич кому-нибудь приказывал или на кого-нибудь повышал голос. И с прислугой, и с дворником он был безукоризненно вежлив в обращении.*»

Дедушка мечтал, чтобы в народе было разбужено чувство собственного достоинства. Он страдал от его униженности, от недостатка культуры.

Октябрьскую революцию дедушка воспринял отрицательно: она посягала на главные для него ценности — свободу и культуру. И все-таки без колебаний он остался на родине, в который уже раз отказавшись уехать за границу. Все свое состояние, включая собственный дом, все права на изобретения отдал государству. И продолжал работать.

Однако жизнь его в советское время была далеко не безоблачной. Читая в дневниках дедушки записанную буквально по дням историю создания его непревзойденного шедевра — радиобашни, невольно поражаешься: что давало силы уже немолодому человеку работать в таких условиях, когда недели, месяцы, которые он мог посвятить творчеству, уходили впустую из-за бесконечных проверок, плохой организации работ, вечной нехватки материалов, инструмента, техники, когда приходилось все время что-то «выбивать», доставать. А это, пожалуй, единственное, что делать ему было неприятно и трудно. Но в дневнике нет жалоб, только короткая фраза

«я устал» встречается несколько раз.

Нелегко жилось Владимиру Григорьевичу еще и потому, что он был человек прямой, открыто высказывавший свои суждения. Отцу рассказали, как о Владимире Григорьевиче отзывался Серго Орджоникидзе: «*В отличие от многих старых спецов, которые нам льстили, когда мы делали ошибки, Шухов указывал нам на наши просчеты смело, не боясь. Многие этого не понимали, и только потом приходилось убеждаться в правоте и искренности Владимира Григорьевича. Он был поставлен в тяжелое положение, когда вступал в дебаты с подхалимами и невеждами. Ему неоднократно хотели приписать преднамеренно неправильные действия, но не было вопроса, который Владимир Григорьевич не решил бы успешно.*»

От гибели в сталинскую эпоху его спасла только незаменимость. Кто, кроме него, мог решить сложнейшие задачи, поставленные временем, да еще наилучшим образом и в кратчайшие сроки? Дедушка и сам это прекрасно понимал. В 1919 г. он записал в дневнике: «*Мы должны работать независимо от полтики. Башни, котлы, стропила нужны, и мы будем нужны.*»

Владимир Григорьевич заражал сотрудников своей неисчерпаемой творческой энергией и оригинальными идеями. Он нес в себе такой колоссальный запас положительных эмоций, так красиво решал любую задачу, что пробуждал в людях ответную реакцию. С ним хотелось работать, не считаясь со временем.

Личность В. Г. Шухова не укладывается в обычные рамки. Увлечение фотографией, спортом, шахматами, историей на профессиональном уровне, художественный вкус, разнообразные научные интересы. И все это наряду с главным — множеством изобретений и проектов, в которых всегда найдено оптимальное решение. Кажется невероятным, что все сделал один человек. Объясняется это, на мой взгляд, тем, что ему было дано постичь философию жизни, увидеть целостную картину мироздания, проникнуть в суть явлений, их причины и взаимосвязь. ■